

НЕ КАЖДЫЙ танцовщик удостоен чести оказаться на страницах гениальной прозы. Правда, не каждый и обрадовался бы столь ироничному авторскому тону в свой адрес. Как бы то ни было, а до грядущих поколений имя Дюпора пойдет, ибо всегда будут люди читать «Войну и мир». Лев Толстой не преминул даже обозначить сумму оклада парижской знаменитости в России. Шестидесят тысяч рублей серебром. Баснословный гонорар. А рядом талантливейшие русские артисты существуют в горькой нужде и воистину без корысти служат музе Танца; а рядом Дидло, чьи неустанные труды искателя, новатора, педагога отнюдь не вознаграждаются с подобным размахом. Однако Дюпор пришелся по вкусу петербургскому «бомонду», московской знати — чего же более?.. Вполне достаточное основание, чтобы получить в империи Российской почести и презренный металл.

Постараемся быть справедливыми. История сохранила немало отзывов совершенно позитивных, даже восторженных. Среди почитателей новоявленного «дива» — сам Стендаль. В своем неапольском дневнике после бенефиса танцовщика в театре Сан-Карло 2 марта 1817 года Стендаль запишет: «...он мой старый кумир, которому я оказался верным и доныне. Он забавляет меня, словно котенок: я мог бы часами смотреть, как он танцует. В нем никогда не чувствуется никаких усилий; танец постепенно одушевляет его, и он кончает восторгами и иступлением страсти, которую изображает; здесь все ступени выразительности, какие только доступны этому искусству; или — чтобы быть вполне точным — я по крайней мере никогда не видел ничего подобного». К тому времени Дюпор уже перешагнул порог тридцатилетия и, видимо, накопил кое-какой актерский опыт, которого не хватало ему ранее. В прошлом остался период его яростной борьбы за место под солнцем. В прошлом осталась жестокая конкуренция с «богом танца» Огюстом Вестрисом — тем самым, которому посвящены восхищенные пассажи «Писем русского путешественника» Карамзина.

В прошлом осталась необходимость отстаивать свои исполнительские права не одним лишь танцем, но и словом. В 1804 году Дюпор публикует ответ анониму, посмевшему критиковать его — избранника муз и граций. В 1806 году сей текст, полный насмешек язвительных, жалоб душераздирающих, высокомерия истинно премьерского, появится вторично — в приложениях к весьма забавной книге.

Высокопарная, монументальная, неуклюжая, до отказа набитая аллегориями, ссылками на мифологию, учеными рассуждениями, «гремящая» громоздким александрийским стихом поэма в шести песнях с пространными комментариями к каждой из оных. Сюжет — соперничество Дюпора с Вестрисом. Место действия переносится из Парижа в Лондон, с Олимпа в Преисподнюю.

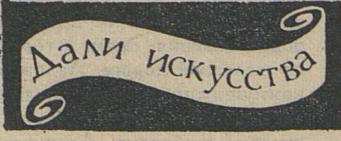
На шмуцтитуле изображены заклятые враги. Стройный, причесанный по моде тех лет красавец Дюпор в горделиво зафиксированной позе застыл над поверженным во прах, посрамленным Вестрисом. Симпатии авторов гравюры явно на стороне триумфатора. Так же, как и симпатии автора поэмы Жозефа Бершу.

Здесь каждая строка дышит пристрастием к Дюпору. Едва ли не каждая песня (и особенно комментарии) изобилует интересными документальными сведениями о Королевской академии музыки и танца начала прошлого столетия: репертуар, актерский состав, декорации — ничто не ускользнуло от внимания дотошного песнопевца.

Его опус, далекий от литературных совершенств, наверно,

способствовал популярности героя и отчасти помогал Дюпору в его самоутверждении. Во всяком случае, два года спустя после выхода в свет поэмы мы застаем танцовщика в Северной Пальмире. 28 августа 1808 года состоялся петербургский дебют Луи Антуана Дюпора в «Дивертисменте».

Французский гастролер мгновенно стал идолом великосветских дам и господ. Танцовщик мог в три прыжка «перемахнуть» пространство сцены, мог без удержу и без усталости вращаться в пируэтах, стоя притом на высоких полупальцах. Технизм его — по тем временам ошеломительный — поразил воображение тех, кто ценил виртуозность ради виртуозности.

нималась выдающаяся балерина Евгения Колосова. С 1802 года, всего через год после начала учебы, Дидло доверяет ей важные роли в спектаклях от «Аполлона и Дафны» до «Пастуха и Гамадриады». Легкокрылый Купидон ревился среди нимф и пейзажок, изумляя истинных знатоков и ценителей искусства. И профессиональная карьера Даниловой развернулась стремительно, лучезарно — под неусыпными наблюдениями больших учителей.

Оба они — Колосова и Дидло — сознавали свою миссию, свою ответственность за будущность русского балетного театра. Оба видели в феноменальном даровании своей любимицы олицетворение той всемирной славы, какая действи-

дающийся талант, тихая, лучистая внешность, гармонические «созвучия» движений — облик и танец Даниловой настраивали лиры на соответственный, согласный с нею лад, а струны души откликнулись на ее танец звонко и проникновенно.

Есть, наверно, определенная взаимосвязь меж русской Психеей и иллюстрациями Федора Толстого к поэме Богдановича «Душенька». Не забудем, что так называли Данилову современники. Не забудем, что блестящий военный офицер, родовой аристократ, одаренный ваятель — автор патристических композиций, посвященных Отечественной войне 1812 года — Федор Толстой к тому же был наделен балетными талантами и дружески общался с

РУССКАЯ ПСИХЕЯ И ФРАНЦУЗСКИЙ АМУР

Почувствовав себя властителем северной публики, Дюпор позволял себе слишком многое. От Дидло он требовал введения в ранее сочиненные спектакли новых соло ради самоцельной демонстрации его, Дюпора, технических достоинств. Требовал права на постановку собственных спектаклей, поскольку Дидло, как и подобало настоящему мастеру, не шел навстречу премьерским капризам и прихотям Дюпора. Не случайно, однако, за единичными исключениями, постановки заносчивого чужестранца не выдержали даже кратковременного испытания сценой. Из всего, что он поставил в России, удержались в тогдашнем репертуаре лишь два спектакля: «Зефир, или Ветренник, ставший постоянным» и «Севильский цирюльник».

Прием, оказанный Дюпору, — красноречивый показатель уровня вельможных вкусов, неспособности понять и оценить прелесть отечественных талантов, невежественной угодливости перед чужеземным «этуажиями». И, право, сегодня имя Дюпора сохраняется прежде всего благодаря Льву Толстому и... Марии Даниловой.

Русская Душенька (так называли ее поэты) — ясноглазая, воздушная, миниатюрная, с крошечным характером и чутким сердцем, утонченным умом и удивительным в ее юные годы пониманием назначения Актрисы, — в свои пятнадцатилет стала она партнершей приглашенной знаменитости.

А 8 января 1809 года в Эрмитажном театре была впервые представлена первая многоактная постановка Дидло в России — «блестящий эротический пантомимный балет в 5 действиях, музыка Кавоса, декорации Гонзага и Корсини...». Главные партии Амура и Психеи исполнили Дюпор и шестнадцатилетняя Мария Данилова.

Тшеславному Дюпору, видимо, мало было лавров. В кулуарах усиленно распространялись слухи о достижениях Даниловой якобы под руководством Дюпора. Завсегдатаи роскошных лож и кресел, падкие на дешевые сенсации и весьма неосведомленные относительно истинного существа профессии балерины, всячески смаковали эти ложные версии.

Между тем успехи Даниловой — совсем иного происхождения. Чудо-ребенок, сирота из бедной солдатской семьи, один из тех бесценных, самородных талантов, какими искони славится наша страна, — восьмилетняя Маша Данилова была принята в Петербургское театральное училище. С ней за-

ательно была уготована классическому танцу в России. Ведь именно в наших отечественных актерах с их душевной чистотой, богатством ума и сердца, осмысленным и человечески-глубоким, трепетным отношением к танцу нашел Дидло единомышленников, не встретив понимания в холодном искусыничестве своего соотечественника Дюпора.

Соотечественника пришлось даже одернуть, предпослав сценарию «Амура и Психеи» предисловие. Именно там Дидло (отлично зная, что суждения его разгневают сياتهельных особ — «почетителей» балета) утверждает, что русские исполнители ничуть не уступят иноземцу. Именно там Дидло терпеливо втолковывает невеждам, что на образование балерины уходят не дни и недели, а долгие-долгие годы. И «прогнозирует» блестящие успехи, что ожидают в дальнейшем его надежду, его гордость — Марию Данилову.

Кто мог предугадать, что ровно через год после премьеры «Амура и Психеи» балерины не будет в живых! Заря ее обернулась закатом. Туберкулез не пощадил Данилову, а салонное злословие не помедлило обвинить в ее гибели опять-таки наставника.

Еще одна гипотеза относительно причин смерти Даниловой высказана рядом авторов — преимущественно зарубежных — от Сержа Лифаря до Линкольна Кирстайна: злосчастное увлечение Дюпором. Ради Даниловой французский Амур оставил свою землячку и партнершу — сестру знаменитой актрисы мадмуазель Жорж. Вскружив голову неускушенной девочке, поиграв ее сердечной привязанностью, парижский ветренник исчез. Данилова не выдержала предательства и погибла. Сюжет, весьма соблазнительный для романиста. Но, как всякий подобный сюжет, предполагаемая история трагической любви Даниловой затенена тайной и навряд ли может быть разгадана окончательно: никто не смеет оспорить право Художника на скрытую от сторонних, любопытствующих взоров личную жизнь.

Иное дело — жизнь творческая. Прекрасная, трагичная в своей краткости, оборванная, словно высокая и чистая мелодия, творческая жизнь Даниловой — перед нами. Ее имя названо еще в 1807 году пезбывозвестным Жихаревым. Приводя в своем дневнике список балетной труппы, он удостоил упоминания в этом перечне воспитанницу училища — четырнадцатилетнюю Данилову. Ее имя слетает с уст русских стихотворцев. Пробуж-

Дидло, пленяясь его созданием. В летучих и строгих линиях рисунков к «Душеньке», в грациозном и пугливом любопытстве, с каким разглядывает Психея спящего Амура, в легких сонмах небожителев, по балетному порхающих по белым листам, среди невесомых и четких очертаний воздушных замков — зримая переключка с изяществом и эфирной легкостью русской Психеи.

За ее уходом из жизни последовал некий «поэтический взрыв». Эпитафия раздавалась за эпитафией, одно выражение скорби сменялось другим. Карамзин, Гнедич, Измайлов, Милонов — никого не оставила равнодушным трагическая судьба юного таланта. А Константин Батюшков сочинил «Стихи на смерть Даниловой, танцовщицы С.-Петербургского императорского театра»; пояснин в авторском примечании: «Она представляла Психею в славном балете «Амур и Психея».

*Вторую Душеньку или еще прекрасней,
...Еще, еще опасней,
Меж Терпсихориных
любимиц усмотрев,
Венера не могла сокрыть
жестоким гнев:
С мольбою к Паркам
приступила
И нас Даниловой лишила.*

Можно предположить, что опубликованные Батюшковым в том же 1810 году, в том же «Вестнике Европы» (только в другом номере журнала) стихи «Надпись на гробе пастушки» также навеяны безвременной кончиной семнадцатилетней балерины:

*Подруги милые!
в беспечности игривой
Под плясовой напев
вы резвитесь в лугах.
И я, как вы,
жила в Аркадии
счастливой,
И я на утре дней
в сих рощах и лугах
Минуты радости вкусила:
Любовь в мечтах златых
мне счастье сулила;
Но что ж досталось мне
в сих радостных местах? —
Могила.*

...Так элегические строки лирика влетали в трогательный венок, возложенный самой Поэзией на раннюю могилу. Окутанное светлой печалью, осяняное вечно юной зарей имя Даниловой пережило свою эпоху и навсегда осталось среди самых славных имен нашей сцены.

Елена ЛУЦКАЯ